

11. Масаев М. А. Гуманизм в системе правовых принципов: некоторые исходные положения // Мир политики и социологии. 2016. № 4. С. 73–80.

12. Мальцев В. В. Принцип гуманизма в уголовном законодательстве // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 51–53.

13. Ююкина М. В. Принцип гуманизма в уголовном, уголовно-исполнительном праве и уголовной политики и его реализация при назначении наказания : дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов. 2006. 230 с.

14. Бочкарев С. А. Квазиценность современного учения об объекте преступления // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3. С. 125–132.

15. Шамбуров С. А., Васильев Н. Г. Эвристические возможности аксиологического подхода в правовых исследованиях // Проблемы современного российского законодательства : материалы 4-й Всероссий. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. И. Суслова. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. С. 72–75.

16. Побегайло Э. Ф. О криминологической обоснованности изменений в Уголовный кодекс РФ // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. С. 54–63.

УДК 343.3

ББК 67.408.131.11

О ТЕОРЕТИЧЕСКОМ РАЗГРАНИЧЕНИИ ТЕРМИНОВ «ТЕРРОР» И «ТЕРРОРИЗМ»

М. А. Стародубцева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Следует отметить существующее многообразие терминов, используемых в качестве синонимов к понятию «терроризм», например «террор» и «террористический акт». Синонимизация указанных понятий характерна, в частности, для политической, социологической, публицистической литературы. Однако такой подход не отвечает юридической методологии и не учитывает конкретную ситуацию, в которой совершается указанное преступление. Поэтому юридические исследования, на которые опирается диссертант в своей работе, обычно ставят перед собой проблему разграничения указанных терминов.

Сложности возникают и при попытке дать определение самому термину «терроризм» на международном либо внутринациональном уровнях. Автор полагает, что основным фактором, затрудняющим поиск единого подхода к определению терроризма и его юридическое оформление, а как следствие — и выработку согласованных, объединенных международных мер по борьбе с ним, выступает крайняя политизированность оценок, в особенности когда речь идет о государственном и межгосударственном терроризме.

Ключевые слова: терроризм, террор, разграничение терминов, история терроризма, синонимизация.

ON THEORETICAL DISTRIBUTION OF THE TERMS "TERROR" AND "ERRORISM"

M. A. Starodubtseva

Altai State University (Barnaul, Russia)

It should be noted the existing variety of terms used as synonyms for the concept of "terrorism", for example, "terror" and "act of terrorism". The synonymization of these concepts is typical, in particular, for political, sociological, journalistic literature. However, this approach does not correspond to legal methodology and does not take into account the specific situation in which the specified crime is committed. Therefore, the legal studies on which the dissertation relies in his work usually pose the problem of distinguishing between these terms.

Difficulties also arise when trying to define the very term "terrorism" at the international or domestic levels. The author believes that the main factor hindering the search for a unified approach to the definition of terrorism and its legalization, and as a result, the development of coordinated, united international measures to combat it, is the extreme politicization of assessments, especially when it comes to state and interstate terrorism.

Keywords: terrorism, terror, terminology, history of terrorism, synonymization.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2023\)3.6](https://doi.org/10.14258/ralj(2023)3.6)

В соответствии с принципами объективности и всесторонности научного познания предмет исследования стоит рассмотреть со всех сторон, в разнообразии взаимодействий [8, с. 39]. Вследствие этого исследование ретроспективы возникновения и формирования понимания терроризма и его идеологической основы, думается, необходимо начать с этимологии самого понятия «терроризм» [3, с. 130]. Для преодоления поверхностного понимания необходимо рассмотреть историю формирования представлений о терроризме и идеологии терроризма [6, с. 39].

Сам по себе терроризм как явление известен давно, но термины «террор», «терроризм», «террористический акт» сформировались относительно недавно [7, с. 280]. Так, этимология термина «террор» ярко прослеживается в масштабных общественно-политических изменениях времен Французской революции и «царствования террора» Максимилиана Робеспьера между 1792 и 1794 гг.

Французский историк П. Генифе указывает, что террор выступил способом сплочения против общего врага революции, а с другой стороны — как логическое и принятое на веру объяснение революционных неудач [10, с. 246]. Не раз П. Генифе заключает, что основным камнем преткновения выступил утопический идеализм М. Робеспьера и его соратников, мечтавших создать такой порядок, где узы дружбы станут единственной связью человеческих отношений, а кровнородственные нити или брачные обеты отойдут на второй план [11, с. 183]. Можно заметить, что изначально якобинцы вкладывали в термин «террор» достаточно позитивный смысл. Террор превратился в налаженный механизм и получил толкование лишь в завершение якобинской диктатуры, в декретах от 8 и 13 вантоза II года Республики (26 февраля и 3 марта 1794 г.), а также в законе от 22 прериала (10 июня того же года) [12, с. 89].

Как отмечается в словаре Французской академии 1796 г., якобинцы применяли к своим действиям и понятие «терроризм», причем и в устной, и в письменной форме. При этом термин употреблялся в положительном ключе [1, с. 55]. Как бы то ни было, после 9 термидора, ставшего датой государственного переворота, слово «террорист» стало синонимом слова «преступник» и приобрело оскорбительный смысл.

Спустя год после казни Робеспьера, в 1795 г., термин «терроризм» стал достоянием общественности в памфлетах Эдмунда Берка, сравнившего террористов с адскими псами, спущенными на невиновных людей. Теперь «терроризм» стал нарицательным понятием для любых злоупотреблений официального государственного аппарата, несущих открытый криминальный характер [4, с. 45]. На этом этапе термины «террор» и «терроризм» фактически оказались синонимами.

Определяя понятие «террор», американские авторы (В. Маллисон и С. Маллисон) отмечали, что «террор» можно указать как систематическое применение насильственных действий либо угрозы их применения для получения политического или публичного результата [9, с. 84]. Терроризм, в свою очередь, является использованием насилия или его угрозы негосударственными силами с целью формирования панических настроений в обществе либо свержения должностных лиц для подготовки политических изменений [9, с. 84].

Отечественные ученые также непрерывно предпринимают попытки определить террор и терроризм. Стоит отметить, что авторы часто приводят содержащиеся в словарях толкования указанных терминов, в которых нет точных определений, но лишь разъясняется суть понятий. Например, в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «террор» трактуется как разновидность устрашения противника с помощью физического насилия, вплоть до уничтожения, а «терроризм» — как практика террора [7, с. 282].

Ю. М. Антонян указывает, что террористический характер насилия подтверждается только тогда, когда оно творится для устрашения кого-либо [2, с. 11]. Терроризм он определяет и как цельное явление, и как отдельные террористические акты. Под террором исследователь понимает воплощение терроризма в жизнь на протяжении длительного времени на достаточно большой территории в отношении значительного количества людей [2, с. 11].

В политических, публицистических, социологических источниках термины «террор», «терроризм» и «террористический акт» обычно применяют в качестве синонимов. Синонимизация здесь удобна в утилитарном отношении, но становится препятствием с точки зрения методологии. Сам термин «террор» пришел из латинского языка и означает «страх», «ужас». Следовательно, с такой этимологией любой акт насилия может быть истолкован как терроризм лишь в том случае, когда он преследует цель устрашения. Но с юридической точки зрения цель устрашения так или иначе можно проследить в достаточно большом количестве составов преступлений. С этой позиции синонимизация не учитывает конкретную ситуацию, в которой совершается указанное преступление. Поэтому, как отмечает в своей монографии С. У. Дикаев, стоит согласиться с мнением В. Замкового, М. Ильчинова, Д. А. Шестакова, которые относят «террор» к ведению властных политических сил, опирающихся на репрессивные структуры (армию, МВД, спецслужбы и т. д.). «Террор» претворяют политические силы, объективно выступающие в качестве сильнейшей стороны конфликта. Понятие же «терроризм» выступает способом действия сил оппозиции, считающихся более слабой стороной [5, с. 54].

Затем С. У. Дикаев предлагает разграничить понятия «террор» и «терроризм» по следующим критериям:

«а) статус лица (лиц), осуществляющего акт насилия (юридическое или физическое лицо, наделенное правом определения внутренней или внешней политики государства, осуществляет акт террора, субъекты терроризма, как правило, подобным статусом не обладают);

б) цели субъекта преступной акции (масштабные, глобальные цели характерны для актов террора: прекращение государственной или общественной деятельности жертвы; принуждение посредством предварительного устрашения к определенным действиям; целенаправленная политика насилия в отношении определенных слоев общества или определенных наций, народов, конфессий); терроризм глобальных целей обычно не преследует;

в) круг лиц, против которых направлено деяние (адресный характер актов террора, меньшее количество жертв террористических актов);

г) средства осуществления преступных акций и их масштабы (масштабность преступных действий и их последствий; использование государственных органов принуждения как признаки актов террора);

д) правовая база осуществления акции (точное соответствие акции нормам закона характерно для актов террора и несвойственно террористическим актам);

е) продолжительность преступной акции (акты террора гораздо продолжительнее единичных террористических актов)» [5, с. 68].

Поскольку с позиции правоприменительной практики синонимизация терминов «террор» и «терроризм» в части цели устрашения населения влечет за собой смешение составов преступлений, постольку нам представляется обоснованной позиция С. У. Дикаева.

Для целей исследования первостепенное значение имеет определение терроризма в российском законодательстве.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03. 2006 № 35-ФЗ формулирует понятие терроризма в ст. 3. Терроризм определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Стоит указать, что терроризм назван в достаточной мере широким феноменом, обладающим социальной опасностью, включающим в себя «идеологию и практику насильственного воздействия на органы публичной власти и международные организации». Также чертой терроризма может быть определено устрашение населения.

Для правоприменителя ключевым является определение преступного деяния, закрепленное в уголовном законе. Термина «терроризм» Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит, однако дает следующую дефиницию террористического акта (ст. 205): «Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями».

Исходя из проанализированных нормативных актов, результатов отечественных и зарубежных исследований, автором предлагается следующее определение терроризма для целей настоящего исследования: «Терроризм представляет собой создание и распространение идеологии насилия и практику воздействия на принятие решений органами государственной власти, местного самоуправления или международными организациями в целях подрыва доверия к деятельности органов власти и органов местного самоуправления или государственных, муниципальных и международных организаций».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев Д. Актуальность новых подходов в борьбе с терроризмом // Материалы Международной конференции 23–24 октября 2001 г. М., 2001. С. 55.
2. Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 11.
3. Голубев А. Кинжалы, бомбы, револьверы, или Две тысячи лет страха // Гео. 2002. № 9. С. 130–133.
4. Горбунов К. Г. Терроризм: социально-психологическое исследование. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 384 с.
5. Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. С. 54.
6. Мусаелян М. Ф. Историко-правовое развитие уголовного законодательства об ответственности за терроризм в России в XX в. // История государства и права. 2013. № 14. С. 39.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; 4-е изд., дополненное. М. : ООО «ИТИ Технологии», 2014. 374 с.
8. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 2. Логика правового исследования. М. : ЗАО Юстицинформ, 2004. С. 39.
9. Шрагин В. О. Глобальный терроризм США. М., 1991. С. 84.
10. Gueniffey P. Histoires de la Révolution et de l'Empire. Paris: Éditions Perrin, 2013. P. 246–254.
11. Couvillois F. Saint — Justefasciste? // Le livre noir de la Révolution française. Paris: Les Éditions du Cerf, 2012. P. 183–211.
12. Яцук Н. А. Эпоха террора 1793–1794 годов: обыденность, жестокость или очищение? // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2015. № 175. С. 86–96.